

инения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою.. Части вторая и третья. В. Г. Белинский
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою.. Части вторая и третья. В. Г. Белинский

Эти две книги суть благополучное продолжение и окончание благополучно начатого великого труда[1]. С.Н. Глинка очень деятелен: он издает журнал – и притом какой превосходный журнал![2] Он издает биографии замечательных русских людей, пишет статьи обо всем; наконец, в качестве критика и историка, предъясвляет нам, – говоря его любимым и многозначительным словом, – «Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова». А что еще прежде-то, времена оны писывал С.Н. Глинка – ужас! И драмы, и лирические стихи, и историю России, и патриотические статьи...[3]

Первая статья второй части содержит в себе неоспоримые доказательства, что новую русскую словесность Ломоносов и Сумароков изобрели оба вместе, а не кто-нибудь один из них. Тут же желающие могут найти и сильные опровержения несправедливой мысли, будто бы Сумароков с Ломоносовым были во вражде. Жаль только, что при этом случае г-ну Глинке заблагорассудилось не сказать ни слова об известном письме Ломоносова к Шувалову, письме, в котором выражается со стороны великого мужа столько презрения к Сумарокову...[4] В этой же любопытной статье предъясвляется совершенно новое и оригинальное мнение, что «в оде Ломоносова более полета восторженного: а в первых лирических стихах Сумарокова более мягкости, не чуждой, однако, ни порыва, ни силы выражения поэтического». А вот и доказательство:

Вперяясь в перемены стран,
Взыграй, взыграй моя мне лира!
И счастья шаткого обман,
И несколько хотя исчисли
Людей тщеславных праздны мысли,
Тех смертных, коих праха нет.
Которы в ярости мешались
И только в книгах лишь остались
По памяти ужасных бед.[5]

Кто не согласится, что это и мягко и не чуждо ни порыва, ни силы выражения поэтического?..

Впрочем, мы должны отказаться от удовольствия следить г-на Глинку шаг за шагом: это решительно невозможно. В этой второй части «Очерков жизни и сочинений Сумарокова» наговорено много хорошего о Сумарокове, но еще больше о предметах, не имеющих к Сумарокову никакого отношения, как-то: об Александре Македонском, о Гомере, Пиндаре, Анакреоне, Софокле, обо всех латинских поэтах, о некоторых итальянских, немецких, французских, английских, индийских, камчатских и, между прочим, о Байроне, что он в своих творениях не сказал ничего нового, а все повторял давно уже до него и чуть ли не Сумароковым сказанное... Ну как угоняться за таким Протеем, как не потеряться в такой разнообразии и множестве предметов, о которых с такою непостижимою легкостью трактует наш сочинитель?.. Вот почему от первой статьи второй части переходим прямо к первой главе третьей части, Сумароков знал Шекспира; отдавал справедливость красотам этого непостижимого чародея драматического; но в то же время, по духу тогдашней европейской словесности, почитал в нем то безобразным, что теперь почитается первым венком поэта британского; то есть: переход в его трагедиях от великана к карлу, от кедра к исопу. К драмам его можно применить то, чем Наполеон 1812 года «огромил быт европейский». «От великого до смешного, – сказал он, – один шаг». Это живая картина мишурного и превратного нашего света; это душа единственного Шекспирова гения.

Весь этот отрывок мы выписали более для того, чтоб показать, каким волшебным орудием делается перо в руках г-на Глинки. «Наполеон огромил быт европейский»; – ново, оригинально и смело!

В трех следующих за первою статьях содержатся разборы трагедий Сумарокова: «Хорев», «Гамлет» и «Синав и Трувор». Разбор «Хорева» отличается удивительно тонкою критикою, которая, – говорим это не шутя, – ничем не уступает критике Лагарпа, если еще не превзойдет ее. За разбором «Хорева» следует и сам «Хорев», перепечатанный почти весь, за исключением шести с половиною страниц. Знаменитый наш критик оканчивает свою перепечатку следующей патетическою сценою:

П о с л а н н ы й

чинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою.. Части вторая и третья. В. Г. Бели

Скрепися, государь!

К и й

О злое рока жало!

В е л ь к а р

Что сделалось здесь?

П о с л а н н ы й

Оснельды! ах! не стало!

Все остальное г. Глинка «предъявляет» в прозаическом сокращении, не желая «огромлять быта российского» раздражающе душу сценою. Но мы не хотим быть сострадательными к публике, «огромим» ее продолжением патетической сцены и окончательным монологом злополучного Хорева, стремящегося в ад для соединения с своею дражайшею Оснельдою:

В е л ь к а р

Какой, увы! удар...

К и й

Почто я в свет рожден!

К чему, несчастливый, я ныне приведен!

В е л ь к а р

Какие лютости душа твоя имела,
что в горести ее (?) хранить не умела.

К и й

Не ведаешь еще несчастий ты моих.

В е л ь к а р

Что может, государь, быть больше бед нам сих?

Оснельды нет, Хорев...

К и й

Хорев теперь в покое:

Ах, мнит ли он прийти на зрелище такое!

Скажи, что видел ты?

П о с л а н н ы й

Я с вестью к ней шел...

О боги! какову Оснельду я нашел!

Смутился весь мой дух, и сердце задрожало:

То тело на одре бесчувственно лежало,

Увяли красоты, любви заразов нет...

К и й

Сокройся от очей моих, противный свет!

Именно – сокройся!.. Нет, мы не можем больше выписывать: какая «заразительная» поэзия!.. Из глаз текут слезны токи, руки дрожат... Но соберемся с силами – вот конец:

К и й

Карай мя, я твое сокровище похитил.

Х о р е в

Пускай сей кровию тебя твой гнев насытил,

Который толь тебя на мя ожесточил,

Но если ты о мне когда-нибудь ранил,

Так сделай только то, о чем напоминаю!

Сие прошение исполнишь ты, я знаю:

Отдай Завлоху меч, свободу возврати,

И воинство все с ним из града испусти.

(К и й отдает Завлоху меч, а Х о р е в говорит З а в л о х у :)

А ты, несчастный князь! возьми с собой то тело,

С которым сердце быть навек хотело,

И плачем омочив лишенное души,

Предай его земле; над гробом напиши:

«Девица, коей прах в сем место почивает!

И в аде со своим Хоровом пребывает,

Котораго она любила в жизни сей,

Хорев, ее лишась, последовал за ней» (заколось).

Странное дело: отчего не дадут на театре этой прекрасной трагедии? Как бы хорош был в роли злополучного Хорева г. Толченев старший!..

В разборе «Гамлета» сумароковского особенно замечателен тонкий суд нашего проницательного критика о Шекспире:

Стало быть, творения Шекспира – солнце без темных мест? Сказано было выше, что и на английском театре выпускают некоторые явления из его драм, отжившие в новое

инения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою.. Части вторая и третья. В. Г. Бели
время. Были у Е(Э)врипида фурии: есть и у Шекспира ведьмы. У Е(Э)врипида фурии
выведены но крайней мере для изблечения преступной совести; у Шекспира ведьмы
забрасывают в душу Дунканова полководца ядовитые семена властолюбия и тлетворные
порывы убийства. Следственно: полководец не виноват. Дух убийства не в нем
зародился, но извне вторгнулся в грудь его.
Именно так! глубокая мысль! Правда, европейские критики толкуют, будто ведьмы у
Шекспира не что иное, как страшная поэтическая апофеоза мрачных помыслов,
таившихся в сокровеннейших недрах властолюбивого духа Макбета; но это
решительный вздор: европейские критики не читали ни Сумарокова, ни г-на Глинки,
а потому и ничего не смыслят ни в искусстве, ни в критике.

Пятая статья особенно замечательна: в пей проведена параллель между «Борисом
Годуновым» Пушкина и «Димитрием Самозванцем» Сумарокова. Глубокомысленный
Лрпстарх наш ни слова не говорит о том, которая из двух трагедий выше; по наша
проницательность и наша симпатия к образу мыслей господина критика раскрыли нам
его задушевную мысль. Да и где бедному Пушкину было бороться с Сумароковым, если
сей трагик победил самого Шекспира! [6] Да, читатели, победил, «огромил» и
«предъявил»... Слушайте, слушайте:

Смелым, отважным порывом Сумароков выставил Самозванца, провозгласителем Суда
Божия, гремевшего над его главою. На все вопросы наперсника своего Пармена: что
причиною смущения и тревоги его душевной? он гласно, утвердительно отвечает:
Зла фурия во мне смятенно сердце гложет;
Злодейская душа спокойна быть не может!
Здесь Сумароков, в отношении развития волнения душевного, превосходнее того, что
Шекспир предъявлял в своем «Макбете». В сердце этого властолюбца чары ведьм
пересилили жажду владычества; следственно, альбионский поэт как будто
оправдывает неистовства Макбета, приписывая их вдохновению силы посторонней. Но
ад Самозванца и возник и свирепствовал в душе его собственными его
вдохновениями. Он был жертвою самого себя и он разительно высказал тайну Суда
Божия, казнившего его им самим.

Совершенно справедливо! в вящее доказательство этого выписываем следующий
анекдот о Сумарокове:

После первого представления Димитрия Самозванца па московском театре, одна
барыня из того тогдашнего круга, в котором «Скапиновы плутни» называли
трагедией, приехала к Анне Петровне, родной сестре Александра Петровича, и,
разохлавшись от восторга и удивления, восклицал: «Ну, уж! как же весело было,
матушка! вашему братцу! В театре так-то хлопали, что мне кажется все руки
пообколотили себе!»
А тут, как сон в руку, шась в гостиную и сам торжествующий поэт! Лицо его сияло
удовольствием; от порывистых взлетов головы подпудренной рыжеватый парик
перекалился на один висок; по кружевным манжетам струились густые полосы
испанского табаку. Спеша подарить счастливого поэта радостным приветом, Анна
Петровна сказала: «Ну, братец! вот эта госпожа говорит, что хлопанье восхищенных
зрителей оглушало весь театр». Сумароков подлетел к гостье, уселся подле нее и,
ождая новых пальмов (пальм?), спросил со всею уклончивостию увенчанного поэта:
«Скажите, сударыня! что более всего вам понравилось?» – «А как стали плясать,
мой батюшка!» – отвечала гостья. Закипев досадою, Сумароков вскочил со стула,
вскрикнул па сестру: «Охота тебе принимать к себе таких дур!», схватил шляпу и –
убежал.
Это была лучшая трагедия, сочиненная Сумароковым!

В заключение, мы хотим привести мнение Пушкина о некоторых старинных наших
стихотворцах. Почему же и не так: Сумароков великий пиита, господин С.Н. Глинка
великий критик, а Пушкин – ну, хоть порядочный стихотворец и не глупый человек;
следовательно, и его скромное мнение может иметь место и вес даже при глубоких
«предъявлениях» и «огромлениях» г-на Глинки. Вот что предъявляет Пушкин в статье
своей «Ломоносов»: [7]

В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу
тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны
и надуты. Его влияние на словесность было вредное, и до сих пор в ней
отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности,
отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные
Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о
своих химических опытах, нежели о должностных одах па высокоторжественный день

сочинения Александра Петровича Сумарокова, изданные Сергеем Глинкою.. Части вторая и третья. В. Г. Белинский. Тезоименитства л проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмотворчестве не думает. Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении. Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и проч.

Вообще, изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского. (Том XI, стр. 22 и 34)

Примечания

1 Рецензию на I часть этого издания см.: наст. т., с. 457–461.

2 См. примеч. 1 к рецензии на I часть этого издания.

3 Наиболее плодотворным периодом в творчестве С. Н. Глинки являлась первая четверть XIX в. В это время им были написаны «героические драмы» («Наталья, боярская дочь», по мотивам повести Н. М. Карамзина; «Осада города Полтавы»; «Антонио Гамбо» и др.), трагедии («Сумбека, или Падение Казанского ханства»; «Михаил Черниговский» и др.), повести («Царица Наталья Кирилловна» и др.). Его перу принадлежат также «Русская история», «Записки о войне 1812 года», «Русские анекдоты, военные, гражданские, исторические».

4 Цитата из письма Ломоносова И. И. Шувалову от 19 января 1761 г. приведена в рецензии на I часть (см. наст. т., с. 460).

5 Критик вольно цитирует начальные строки «Оды XIX. Сочиненной в первые лета моего во стихотворении упражнения». (Эта ода входит в состав «Разных од».)

6 Имеется в виду опыт переложения «Гамлета», принадлежащий А. П. Сумарокову (1748, драматург опирался на французский текст трагедии).

7 Название «Ломоносов» было дано главе из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» при первой ее публикации в посмертном собрании сочинений Пушкина (т. IX. СПб., 1841). Курсив в цитатах принадлежит Белинскому.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!